

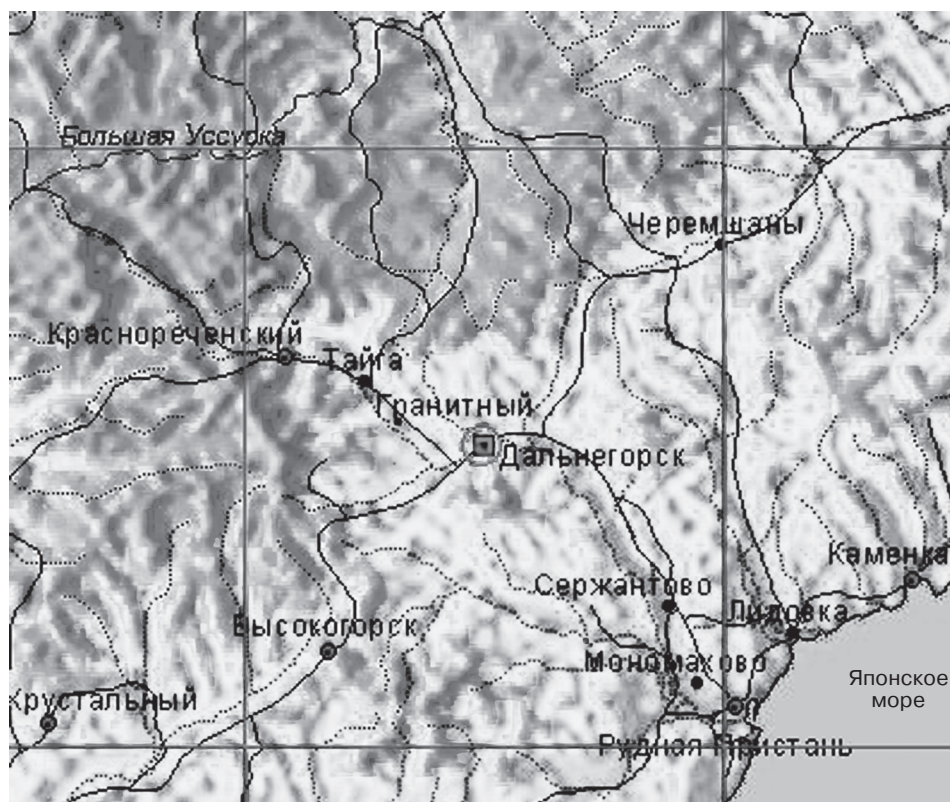
ПОЧЕМУ УГАСЛИ ПОБРАТИМСКИЕ СВЯЗИ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГОРСКА И КАЦУНУМЫ

Денис Александрович ЛИТОШЕНКО, младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Российско-японские отношения имеют свою историю, в которой нашли отражение многие аспекты взаимосвязей двух государств и народов. Отрадным явлением следует признать тенденцию в развитии современной историографии, заключающуюся в усилении интереса исследователей к региональной проблематике взаимоотношений России и Японии. С нашей точки зрения, своего рода *terra incognita* является история связей отдельных территорий Дальнего Востока России со Страной восходящего солнца, богатых досадными лакунами. Именно попытке восполнить одну из них посвящена данная статья.

На северо-востоке Приморья расположен Дальнегорский район с административным центром г. Дальнегорском (до 1972 г. — пос. Тетюхе, см. карту

Карта № 1¹. Дальнегорский район и прилегающие территории.

№ 1). Название своё районная «столица» получила по имени реки, в долине которой находится (ныне — р. Рудная). Историческое название Тетюхэ можно перевести на русский язык как Долина (река) диких кабанов.

Активная модернизация Японии в эпоху Мэйдзи (1868—1912) к исходу XIX в. обусловила усиление интереса к материковой части Дальнего Востока. Общеизвестна бедность японского архипелага природными ресурсами и потому их поиск уходил за пределы островной территории. В то же время в истории Долины диких кабанов происходят события, привлекавшие внимание к ней Страны восходящего солнца. Геологические исследования в долине р. Тетюхэ начались в 1897 г, а к промышленной эксплуатации полиметаллических месторождений здесь приступили в 1902 г. Уже через пять лет добытую в Тетюхе руду начинают вывозить для дальнейшей переработки за границу. Названные события не могли пройти незамеченными для японской стороны, но достоверной информацией, свидетельствующей о том, что интерес японцев к Долине диких кабанов вылился в практические шаги, в настоящее время исследователи не располагают.

Сведения о связях Долины диких кабанов со Страной восходящего солнца относятся ко времени первой мировой войны, когда основным потребителем полиметаллических концентратов, производимых Акционерным горнопромышленным обществом «Тетюхе» (АГОТ), стала Япония². В 1915—1918 гг. АГОТ вывезло за пределы района 14 964 т свинцового и 10 069 т цинкового концентратов³, однако, какая доля указанных объёмов приходилась на рынок Японии, пока остаётся неизвестным. На этом этапе интерес Японии к деятельности акционерного общества «Тетюхе» претерпевает качественную эволюцию. Дело

в том, что в 1915 г. Б. Бринером была опубликована небольшая брошюра, в которой сообщалось, что в Тетюхе находятся залежи серебра, пригодные для промышленной разработки. Нет надобности говорить, что серебро — фундамент системы монетного обращения в любом государстве — было необходимо Японии, оказавшейся в конце русско-японской войны 1904—1905 гг. на грани финансового краха, как воздух. Сложилась ситуация, полная трагизма. Налицо все условия и предпосылки для соответствующих действий японской стороны, но сколько-нибудь пригодной для осуществления исторической реконструкции информации в нашем распоряжении нет. И пока дела обстоят подобным образом, любая гипотеза на сей счёт, пусть и не лишённая привлекательности, так и остаётся гипотезой.

Второй эпизод контактов Дальнегогорского района с Японией связан с событиями иностранной интервенции. Этот факт нашёл отражение на страницах историко-публицистических работ советского времени, принадлежащих к так называемой ведомственной историографии, подчас создававшихся к опеределённой знаменательной дате или служивших вехами этапов большого пути⁴.

Абстрагируясь, с нашей точки зрения, от необоснованных оценочных суждений, события второго эпизода контактов Долины диких кабанов со Страной восходящего солнца можно охарактеризовать следующим образом. 24—25 августа 1918 г. на рейде бухты Тетюхе-Пристань (в наст. время Рудная Пристань) находился японских военный корабль. Существует мнение, что это был крейсер (требуется уточнение). С прибывшего судна, под прикрытием корабельной артиллерии, был высажен десант. Сошедший на берег вооружённый отряд продвинулся до с. Владимиро-Мономахово, где провёл ряд акций, направленных на формирование властной инфраструктуры, подчинённой Временному правительству автономной Сибири и Приморской областной земской управе (ПОЗУ).

Следует отметить, что дальнегорские краеведы, главный хранитель фондов музейно-выставочного центра Л.В. Сулла и член краеведческого клуба «Тетюхе» Н.В. Колесников, опираясь на изученные ими материалы, подвергают сомнению участие японских военных в ликвидации советской власти на территории Дальнегогорского района в августе 1918 г. С учётом высказанной ими точки зрения, можно вести речь об ограниченном участии японцев в описанных событиях, заключавшемся в исполнении роли перевозчика, т.е. японский военный корабль использовался исключительно как транспортное средство для доставки морским путём соответствующего вооружённого отряда, необходимого для восстановления на территории Дальнегогорского района власти ПОЗУ, и как средство устрашения, призванное технически обеспечить благополучную высадку отряда в районе Тетюхе-Пристань и подавить, в случае необходимости, сопротивление вооружённых сил, находившихся в распоряжении исполкома местного волостного Совета. Надо признать, что японской стороне удалось весьма успешно справиться с возложенной на неё миссией. Сведений о дальнейшем присутствии японцев на территории района в рассматриваемый период не было обнаружено, это позволило сделать вывод о том, что, успешно выполнив свою задачу, японский «крейсер» покинул рейд Тетюхе-Пристань.

Третий эпизод контактов Дальнегогорского района и Страны восходящего солнца приходится на вторую половину 40-х годов XX в., когда на территории района применялась рабочая сила японских военнопленных. Дальнегорскими краеведами Л.В. Суллой и Н.В. Колесниковым собраны воспоминания старожилов, ставших свидетелями пребывания японских военнопленных на территории района. Большинство из опрошенных местных жителей во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX в. были ещё детьми, поэтому их воспоминания носят фрагментарный характер, но тем не менее позволяют пролить свет на

некоторые стороны повседневной жизни японцев, оказавшихся в советском плену, составить представление о взаимоотношениях японцев и советских людей, о стереотипах восприятия японцев в массовом сознании населения. Именно дети и подростки первыми устанавливали контакты с японскими военнопленными, способствуя тем самым преодолению отчуждения, которое было между взрослыми.

Для некоторых японских военнопленных дальнегорская земля стала местом вечного упокоения. Позднее нормализация отношений между Россией и Страной восходящего солнца вызвала еще больший интерес к судьбе японских захоронений на российской территории. Не остался в стороне и Дальнегорский район. 29 августа 1993 г. на борту арендованного военного вертолёта в Дальнегорск прибыла группа из двух японцев и переводчика. Цель визита заключалась в установке мемориальных досок на месте захоронений японских военнопленных⁵. Надо признать, что их сохранность в Дальнегорске и Дальнегорском районе оставляла желать лучшего. Несколько японцев были похоронены у старого кладбища, где позднее добывали глину, и захоронения «где-то рядом с большими карьерами» не сохранились. В итоге импровизированный мемориал японским военнопленным был сооружён на одной из сопок в районе современного дальнегорского кладбища.

На этом примере можно проследить закономерность, характерную для многих других аспектов взаимоотношений Дальнегорского района с Японией. К вопросу о захоронениях вернулись в 2000 г. в рамках мероприятий, предусмотренных соглашением между Министерством здравоохранения Японии и администрацией Приморского края. В сентябре 2000 г. в Дальнегорске побывали два представителя Всеяпонского общества военнопленных Таики Инаба и Торао Мотидзуки. Они встретились с городской администрацией, в местной газете прошла публикация, возник общественный резонанс... А потом тишина... И длится она по сей день. Видимо, россияне ждут либо повода для того, чтобы вспомнить о необходимости мемориала, либо новых японских инициатив по этой проблеме.

В Дальнегорском районе известна история жизни дальнегорца японского происхождения Михаила Ивановича Сунтаро (Сунтаро Иидзима). Судьбе было угодно, чтобы пятнадцатилетний японский хулиган Сунтаро Иидзима оказался в оккупированной Маньчжурии, прошёл через штрафную роту, китайский плен, советский лагерь, чуть было не стал агентом КГБ, поработал на руднике с романтическим названием «Дальний» и превратился в почтенного российского пенсионера Михаила Ивановича Сунтаро⁶. Долгое время Иидзима-сан жил под китайским псевдонимом Ван Куанли и только с наступлением перестроечной поры получил возможность восстановить своё настоящее имя, побывать на родине в г. Кацунума (префектура Яманаси), встретиться с родственниками. Большой вклад М.И. Сунтаро внёс в установление и поддержание побратимских связей между его родным японским городом — Кацунума и Дальнегорском.

История побратимских отношений Дальнегорска и Кацунумы (в нём проживает около девяти с половиной тысяч человек⁷) имела бурное начало, но практически не имеет продолжения в настоящее время. Редкий дальнегорец может вспомнить название японского города-побратима. 90-е годы XX в. были ознаменованы активным обменом делегациями между двумя городами⁸. Поддерживалась регулярная переписка глав их администраций⁹. Но к 1998 г. контакты практически сошли на нет. Побратимство ограничивалось частными инициативами М.И. Сунтаро и его давнего друга Кобаяси Есиаки. При участии клуба «Эс-Ди-Ай», японской общественной организации, созданной для налаживания дружественных отношений через пропаганду искусства, культуры и спорта, М.И. Сунтаро и Кобаяси некоторое время поддерживали побра-

тимские отношения. Позднее связи теплились только в пос. Краснореченске, т.е. в месте непосредственного проживания М.И. Сютаро. В сентябре 1998 г. дальнегорская пресса сообщила о визите в Краснореченск делегации японской народной дипломатии¹⁰. Больше подобных сообщений в местной прессе не публиковалось.

Чтобы назвать причины угасания побратимских связей между Дальнегорском и Кацунума, исследователю необходимо более глубоко проанализировать отношение обеих сторон, их стереотипы мышления и, главное, видеть конечные цели¹¹. Наиболее часто причиной снижения интенсивности побратимских связей Дальнегорска и Кацунумы называют большое различие этих городов. Индустриальный облик Дальнегорска, как представляется, не согласуется с аграрной ориентацией Кацунумы, а префектура Яманаси не имеет выхода к морю, что также осложняет контакты. Но это далеко не так. Дело, скорее всего, в том, что на заре демократической России в любых внешних связях принято было поддерживать и всемерно развивать именно экономическую составляющую. Остальные аспекты напрямую увязывались с экономическими отношениями. Вероятно, подобный подход к внешним связям оправдан в условиях, когда страна переживает глубочайший социально-экономический кризис, но свёртывание внешних контактов во внешнеэкономических плоскостях отношений, скорее всего, говорит о неадекватности местного руководства, неспособного к поиску оригинальных стратегических решений, хотя они, порой, очевидны.

К примеру, славящийся на всю Японию своими фруктовыми плантациями Кацунума мог бы при имеющейся у наших городских властей собственной стратегии внешнеэкономических связей разнообразить стол дальнегорцев великолепными персиками, виноградом и другими фруктами. Возможно, по вкусу дальнегорцам пришлось бы производимые в Кацунуме вина. Но, увы, дальнегорская администрация демонстрирует лишь способность проявлять активность только в рамках внешнеэкономических проектов предприятий района, для осуществления которых аграрный Кацунума интереса не представляет.

Экономические связи предприятий Дальнегорского района со Страной восходящего солнца заслуживают отдельного внимания. Следует отметить, что благоприятные условия их установления с японскими партнёрами для дальнегорских предприятий сложились только с наступлением в СССР Перестройки. Пионерами в их налаживании выступили АО «Бор» и ПГРК «Восток». В случае с АО «Бор» это не удивляет, так как ресурсную базу предприятия образует уникальное месторождение борсодержащих минералов, аналоги которому в мире можно пересчитать по пальцам. В 1986 г., тогда ещё Приморское производственное объединение «Бор» направляло на экспорт почти 11% производимой продукции¹². Среди прочих направлений экспортных поставок приоритетным выступало японское. Делалось это не напрямую, а через государственных посредников — Дальинторг, Агрохимэкспорт (г. Москва). Только спустя шесть лет (в 1986 г. экспорт боропродуктов по решению государственной комиссии был строжайше запрещён) предприятию удалось вернуться на внешний рынок. 17 сентября 1992 г. ППО «Бор» и японская фирма «Мицуи» заключили контракт на поставку бората кальция, борного ангидрита и пятиводной буры. По мнению А.В. Лукина, в то время заместителя генерального директора объединения по коммерции, с точки зрения японских и отечественных специалистов, «...данный договор не исчерпывает всех возможностей в складывающихся взаимоотношениях, поскольку интерес здесь взаимовыгоден»¹³.

Надо признать, что руководству АО «Бор» удалось найти оптимальный вариант сотрудничества с японскими партнёрами, а оптимистичные прогнозы 1992 г. оправдались едва ли не в полной мере. К 1996 г. круг постоянных покупателей продукции АО «Бор» расширился за счёт таких крупных японских фирм, как «Мицубиси» и «Сумитомо», общий объём поставок в Японию

достиг уже 30% от всей боропродукции, которую Страна восходящего солнца закупала для себя. По информации начальника отдела сбыта ОАО «Бор» М.Г. Утюгова, в настоящее время доля контролируемого предприятием японского рынка боропродукции составляет 30%.

Менее удачно развивались связи с соседним островным государством у других дальнегорских предприятий. Ещё в начале 90-х годов XX в. ПГРК «Восток» под руководством президента компании Е.И. Наздратенко сделала попытку внутренне трансформировать развивающиеся в торговом формате отношения с японскими контрагентами. Идея была проста: на базе одного из разрабатываемых компанией местных месторождений создать советско-японское предприятие, усилия которого направить на строительство дробильно-сортировочного комплекса, его продукцию продавать в Японии, а вырученную валюту частично направлять на закупку продовольствия и ширпотреба¹⁴. Справедливости ради следует признать, что предложенная схема основывалась на объективном понимании занимаемых дальнегорскими промышленниками позиций в планах японской стороны. Данные характеристики, между прочим, справедливы для всего дальневосточного региона и в настоящее время.

Именно недооценка стратегических стереотипов в сознании японских государственных деятелей и бизнесменов, накладывающих глубокий отпечаток на их действия по отношению к дальнегорским партнёрам, обуславливает известное состояние стагнации в развитии экономических отношений. Японская сторона готова поддерживать и развивать отношения в торговом формате, но все попытки выйти за пределы чисто торговых связей вязнут в потоке конструктивной неопределённости и вежливых заверений в необходимости дальнейшего диалога. На рубеже XX—XXI вв. такие крупные японские фирмы, как «Марубени», «Мицуи» и «Сумитомо», а также соответствующие ведомства администрации префектуры Акита проявляли интерес к горной, горно-химической и металлургической промышленности Дальнегорского района. Японскую сторону, как и прежде, интересуют полуфабрикаты (или сырьё) полезных ископаемых района. В этом ключе Дальнегорск интересует японцев как стратегический торговый партнёр на весьма долгосрочную перспективу. Дальнегорская же промышленная элита ожидает от японского капитала инвестиций. Ожидание — дело, возможно, хорошее, но в данном случае бесперспективное.

Примером может служить известный ажиотаж вокруг инвестиционного проекта по добыче и переработке серебра и других редкоземельных металлов, предложенного ЗАО ГМК «Электрум» совместно с ПГРК «Восток», АО «Бор» и АО ГМК «Дальполиметалл»¹⁵. Для осуществления проекта необходимо 23,5 млн. дол. США. Даже на подготовку необходимого технико-экономического обоснования по международным стандартам планировалось получить грант от японского правительства на 500 000 дол., так как в родном отечестве подобных средств на благое дело не нашлось. Но история с инвестиционным проектом, несмотря на красивое начало, имела весьма скромное продолжение. Главный участник проекта — ЗАО ГМК «Электрум» находится в «коматозном» состоянии, серьёзного производства названных металлов реально не создано — налицо ситуация, когда подтверждаются самые мрачные опасения «недоверчивых» японцев.

С нашей точки зрения, смысл сложившейся ситуации заключается в следующем. Во-первых, японский бизнес меньше всего походит на богоугодное заведение и финансировать создание «зоны благоденствия в отдельно взятом районе» для дальнегорской промышленной элиты при любом стечении обстоятельств не намерен. При общеизвестных талантах последней сумма в 23,5 млн. дол. может стать фундаментом для безбедного существования определённого круга лиц на протяжении нескольких поколений. Во-вторых, эксплуатация темы уникальности полезных ископаемых имеет пределы. Японская

сторона неплохо осведомлена, как именно в действительности обстоит дело с запасами полезных ископаемых в Дальнегорском районе и насколько это положение может быть исправлено с учётом инфраструктуры промышленной геологоразведки. В начале статьи уже шла речь о столетней истории устойчивого интереса Японии к природным ресурсам территории Дальнегорского района. Надо полагать, что за сто лет японская сторона собрала достаточно сведений для того, чтобы сформировать достоверную картину состояния природных ресурсов Долины диких кабанов.

Подведём итоги. Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в истории контактов Дальнегорского района с Японией в новейшее время прослеживается ряд сюжетных линий: участие японских военно-морских сил в доставке из Владивостока вооружённого отряда, ликвидировавшего советскую власть на территории района и восстановившего властную инфраструктуру волостной земской управы; присутствие японского этнического компонента на территории района, оказавшее влияние на хозяйственно-экономическую, политико-административную сферу деятельности, а также на повседневную жизнь населения; побратимские отношения; экономические связи предприятий района с японскими партнёрами.

Интересны перспективы использования опыта муниципального самоуправления и местных институтов гражданского общества, накопленного жителями Кацунумы, применительно к дальнегорским реалиям. Заслуживают внимания сегодняшние культурные связи Дальнегорска с Японией, а также ранние контакты района со Страной восходящего солнца, связанные с гипотезами о роли побережья района в обеспечении каботажного плавания не только в средневековье, но и в XIV — первой половине XIX вв.

Таким образом, становится очевидной необходимость дальнейшего изучения отношений территорий Северо-Восточного Приморья со Страной восходящего солнца, и в этом особая роль, бесспорно, принадлежит Дальнегорскому району.

¹ Карта заимствована с Картографического сайта Приморского края (6 авг. 2004 г.) <http://map.primorye.ru>.

² Дальневосточный маяк. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. С. 16—17.

³ Званию верны. М.: Металлургия, 1981. С. 17.

⁴ Дальневосточный маяк... С. 26—27.; Званию верны... С. 24.

⁵ Быков Е. Рукопожатие через 48 лет. Необычная встреча с гостями из Страны восходящего солнца // Трудовое слово. 1994. 25 апр.

⁶ Пудина Л. 006 выходит из подполья или как Михаил Иванович превратился в Иидзиму-сан // Дальнегорский металлург. 1994. 19 авг.

⁷ Тодофукэн бэцудета букку Токио: РНР Кэнкюсё (Ёмиури симбун), 1999. Р. 136.

⁸ Пудина Л. Пребывание японской делегации в Дальнегорске // Трудовое слово. 1992. 15 окт. С. 1; Пудина Л. Сердечные тёплые проводы. Окончание визита японской делегации // Трудовое слово. 1992. 22 окт. С. 1; Пудина Л. Шаг к подножию Фудзиямы // Трудовое слово. 1993. 27 февр. С. 1; Пудина Л. Кацунума — город виноградников // Трудовое слово. 1993. №№ 32, 39, 40.

⁹ Письмо мэра города Кацунумы мэру г. Дальнегорска // Трудовое слово. 1992. 11 июня. С. 1; Тихонов П. Наш памятный знак — в Японии // Красное знамя. Владивосток. 1994. 13 янв.

¹⁰ Савицкая И. Краснореченск — центр международной дружбы // Трудовое слово. 1998. 12 сент.

¹¹ Ли Г. Дружить можно по-разному // Трудовое слово. Дальнегорск. 1998. 25 апр.

¹² БОР: Флагману горной химии Приморья — 40 лет / И.С. Красиков. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 1999. С. 93.

¹³ Росликов Ю. Работаем на экспорт // Приморский химик. 1992. 25 сент.

¹⁴ Бизнесмены протягивают руку // Трудовое слово. 1991. 20 апр.

¹⁵ Большаков В. Уникум Дальнего Востока // Трудовое слово. 2000. 4 февр.

SUMMARY. The article by Denis Litoshenko has got the title “Why Did the Ties Between Towns-Twins Dalnegorsk and Katsunuma Die Away?” The author tells about the history of these ties starting as far as at the 19th century. The author thinks these relations ought to be investigated, and Dalnegorsk region has got the priority in it.